

21 августа исполняется 100 лет со дня рождения Виктора Розова — одного из крупнейших драматургов XX века. Но Виктор Сергеевич был не только выдающимся русским советским писателем, он был и настоящим гражданином своего Отечества, истинным патриотом. Особенно ярко это проявилось в последние годы его жизни — самое трагическое время для нашей страны.

Тогда с ним много общался известный журналист газеты “Правда” Виктор Кожемяко. И этому периоду посвятил свою книгу о нём под авторским названием “А Розов сказал: “Холуяж!””, которая должна выйти в издательстве “Алгоритм”.

Публикуем беседу Виктора Кожемяко с Виктором Розовым, которая состоялась в 1998 году, когда отмечалось 85-летие писателя. Она помещена в этой книге.

НА КРЮЧКЕ ПОЗОЛОЧЕННОМ

Он признан как один из крупнейших драматургов XX века. Событием советской театральной жизни стала постановка уже самой первой пьесы Виктора Розова “Её друзья” на сцене Центрального детского театра в 1949 году. Спектаклем “Вечно живые” по его пьесе открылся в 1957-м театр “Современник”. А фильм “Летят журавли”, снятый по его сценарию, был удостоен в 1958 году высшего приза Каннского кинофестиваля “Золотая пальмовая ветвь” и теперь значится среди лучших фильмов мирового кинематографа.

Но Виктор Сергеевич был не только выдающимся русским советским писателем. Он был и настоящим гражданином своего Отечества, великим патриотом. Особенно ярко это проявилось в последние годы его жизни — самое трагическое время для нашей страны. Когда в конце 80-х годов прошлого века он, доброволец Великой Отечественной, понял, какая опасность вновь нависла над Советским Союзом, честный писатель и отважный солдат мужественно встал на его защиту. А потом начинается борьба за Россию — за справедливую власть в стране, за её независимость, за самобытную и великую русскую культуру. Несмотря на преклонный возраст, Виктор Розов остаётся в первых рядах бойцов.

Его страстный публицистический голос, обращённый к соотечественникам, больше всего звучал в эти годы со страниц “Правды”, которая стала для него самой главной газетой. Розов и “Правда” — большая тема. Ей и посвятил свою новую книгу Виктор Кожемяко, много общавшийся тогда с Виктором Сергеевичем и опубликовавший целый ряд бесед с ним.

Книга под авторским названием “А Розов сказал: “Холуяж!”” недавно сдана в издательство “Алгоритм”. В нынешнем году 21 августа исполнится 100 лет со дня рождения В. С. Розова, и мы надеемся, что к этой знаменательной дате она выйдет. А пока публикуем фрагменты из книги, чтобы читатели по до-

стоинству оценили подвиг писателя-патриота, совершённый им в конце жизни. Сегодня Виктор Розов необходим нам так же, как тогда.

Эта наша беседа с Виктором Сергеевичем, наиболее пространная и многоплановая, состоялась в августе 1998 года, накануне его 85-летия. Близился к завершению и XX век, значительную часть которого он своей жизнью “захватил”. Мы находились у порога нового, третьего тысячелетия. Всё это требовало осмысления и подведения каких-то итогов, настраивало на философский лад.

Я к нему всегда шёл с вопросами “самыми-самыми”. О том, что в жизни острее всего тревожит и более всего заставляет думать. А теперь вот сошлись, совпали такой почтенный его юбилей и завершение века, свидетелем которого он стал.

Поражают люди, плюющие в своё прошлое

Виктор КОЖЕМЯКО: Действительно, Виктор Сергеевич, вас вполне можно назвать свидетелем века. Давайте с этого и начнём сегодня наш разговор. Какие воспоминания и мысли приходят “под занавес” XX столетия?

Виктор РОЗОВ: Да, этот век почти целиком я прожил. Изобиловал он разными разностями. Были и хорошие времена, и невыносимо тяжёлые. . .

Дело ещё в том, что человек о каком-либо времени судит по собственной судьбе. Моя судьба была очень суровой до 36 лет. Крайне суровой. Но. . . счастливой. Вот что поразительно! Скажем, сейчас я более обеспечен, чем тогда, гораздо более обеспечен, но я, как это ни странным может показаться, — более несчастен. Да что там, я просто несчастен по сравнению с теми временами, когда было мне и холодно, и голодно, и припев в доме был: “Мама, нет ли чего укусить? Дай какой-нибудь кусочек хлебца!”

Ну, когда маленький был, можно сказать, многое воспринималось бессознательно. Голод тех лет, беспризорщина после гражданской войны. . . И многое потом стало понятно, во всяком случае, объяснимо. Произошёл ведь великий слом — революция. Но почему же тогда, в те времена и позднее, я чувствовал себя счастливым, а теперь — нет?

Вот сейчас мы сидим с вами в тёплой комнате, чистой и уютной, и не видно вроде бы вокруг той разрухи, но боли в сердце неизмеримо больше, чем тогда! И это не только потому, что тогда я был очень молод, и молодость сама по себе кипела и радовала. Нет, суть в другом. Не может же меня оставить, допустим, сознание того, что если в гражданскую войну было два миллиона беспризорных детей, то сейчас — тоже два миллиона. Или даже ещё больше! Казалось бы, без войны. . .

Вот это для меня совершенно необъяснимо. Вернее, я могу объяснить это лишь как следствие неслыханного и невиданного ограбления народа частью общества. Ну, как назвать эту часть? Их называют иногда почему-то “новыми русскими”, называют нуворишами. А надо говорить прямо: воры! Называть вещи своими именами. Впрочем, и воры — это для них, пожалуй, слабовато. Вор — он на чём-то себя останавливает. А эти. . . хищники! Хищнику надо всё больше, больше, больше. Он ненасытен! И чем это кончится, какая будет развязка, предугадать не могу. Но тревожусь, скажу вам, очень. Потому что может произойти какой-то ужасный взрыв в обществе. Такой взрыв, что только щепки полетят от всего этого! . .

Но, с другой стороны, как же теперь может измениться жизнь, чтобы снова пойти по нашему православному, русскому руслу, — я даже не знаю как. Слишком далеко зашло, слишком всё серьёзно! И, наверное, должны те политические фигуры, которые действительно болеют за судьбу государства и каждого человека в нём, как-то объединиться. Все лучшие силы должны объединиться и сплотиться! Во имя спасения Отечества.

Сейчас разделение общества на супербогатых и сверхбедных настолько велико, пропасть между ними так глубока и широка, что да — не знаешь, как разрешится этот вопрос. Тут нужна какая-то величайшая мудрость, чтобы обошлось без миллионных человеческих жертв.

Вот это — первое, пожалуй, что больше всего сегодня меня волнует. Второе, о чём хочу сказать: государство наше приобрело уголовный облик. Поразительно это происшедшее буквально на глазах перерождение значитель-

ной части нашего общества – неслыханная, массовая уголовщина! И тоже не видишь тут ни конца, ни края. Порой возникает чувство, что уголовные элементы захватили уже буквально всю страну, начиная, конечно, с самого верха. И не знаешь, что же против этого делать...

В. К.: Однако вы, Виктор Сергеевич, всё же поднялись на борьбу против этого. Несмотря на свой возраст, нездоровье. Вы поднялись и делаете, по моему, всё, что только в ваших силах.

В. Р.: Может быть, это потому, что я никогда не был в шорах. Что я понимаю под шорами? Они могут быть надеты добровольно, могут – хозяином: “По сторонам ты не смотри, а смотри лишь прямо”.

Так вот, на мне этих шор никогда не было, и всегда я видел жизнь такой, какая она есть, без всяких прикрас. Видел плохое, что было раньше, и видел хорошее, что тоже тогда было. Меня поражают люди (я уже не раз об этом говорил), которые зачёркивают своё собственное прошлое, клянут его. Несмотря на то, что именно тогда эти люди сделались известными, знаменитыми, прославленными. Это всё равно, что плевать на родного отца и родную мать!

В. К.: Увы, среди так называемой творческой интеллигенции подобных немало.

В. Р.: Мне это непонятно. Учились бесплатно, начиная с детского садика и до вуза. Выдвинуты на сцену, если о нашем театральном деле говорить. Стали народными артистами СССР или РСФСР, лауреатами Государственных и Ленинских премий, Героями Социалистического Труда. Всё это в то время! Стали знамениты на весь мир и теперь плюют в своё прошлое...

Считаю это аморальным, безнравственным и очень некрасивым. На этой почве у меня с достаточно значительной частью нашей интеллигенции негласное, но явственное расхождение. Они сердятся на меня, что я придерживаюсь каких-то старомодных взглядов, приписывают мне, что я оправдываю все беды, которые были в прошлом, винят в том, что не принимаю происходящего сейчас.

Да, не принимаю! И не понимаю, как это можно принимать. Как может у них не болеть душа, если они знают, сколько миллионов людей оказались у нас сегодня за чертой бедности, что больше двух миллионов детей в невоенное время – беспризорники...

Невольно всё это обращаешь в адрес власти, которая неправильно правит государством. Наверное, мои понятия и представления во многом, что называется, доморощенные, возможно, в чём-то даже наивные. Но я считаю, что нам надо было идти сейчас по пути ленинского нэпа. И тогда всё-таки страна вышла бы на социалистический путь развития. Без иллюзий общества коммунистического, ибо в моём представлении это больше литература, а социалистический путь – реально наиболее справедливый. И если бы мы пошли в нынешнее время по пути нэпа, мы бы, как мне кажется, вернули все наши социалистические завоевания.

Сегодня я всё чаще думаю об этом, возвращаюсь мысленно к периоду нэпа, вспоминая, сопоставляя. Даже статью об этом хочу написать. Конечно, мои личные впечатления того времени – полудетские. Мне хочется кое-что почитать, поглубже разобраться, как разрабатывал Ленин свой экономический план. Ведь за короткий срок тогда удалось при экономической многоукладности, но сохраняя Советскую власть, достигнуть очень многого. Не знаю, может быть, в Китае за последние годы сделано нечто подобное...

В. К.: Словом, насколько я понимаю, Виктор Сергеевич, вы не за капитализм, а за социализм.

В. Р.: Одни люди живут более богато, другие – менее, но бедных нет! Вот это, по моему, справедливо. Всех абсолютно уравнивать, наверное, нельзя, да и не нужно. Я всегда с пониманием относился, например, к тому, что академик получал более высокую, чем другие, зарплату. Имел дачу, особенно хорошую квартиру. На то он и академик – у него голова какая! Мозговые клетки стоят всего дороже. Или гениальный актёр, талантливый писатель...

В. К.: А теперь академики объявляют голодовку, стреляются или выходят с протестом, чтобы отстоять институты, которые душат и уничтожают.

В. Р.: Я всегда понимал разделение по степени таланта и по той пользе, которую люди приносят обществу.

В. К.: Но не по талантливости прохиндейства, верно я понимаю?

В. Р.: Да, да, конечно... А сейчас в “новой культуре” просто глаз по-хорошему не на ком остановить. Посмотрите, ведь уже целая эпоха, больше де-

сяти лет прошло, как всё это у нас началось. Но это десятилетие в нашей сфере – в сфере искусства – ничего не дало! Или почти ничего.

После Октябрьской революции хлынули (буквально хлынули!) таланты во всех видах литературы и искусства. вспомните первое десятилетие Советской власти: Маяковский, Есенин, Шолохов, Вахтангов, Мейерхольд, Эйзенштейн, Довженко, Пудовкин, Шостакович... Всех не перечислишь. И в живописи, и в архитектуре – да везде! Очень ярко рождались тогда и новые формы, и новое содержание. А сейчас – ничего. Просто поразительно! Вот открыли на телевидении канал “Культура” – и он кормится только прошлым. Ибо нынешнее состояние культуры, я уж не знаю, как точнее сказать... Убого.

В. К.: И если на том же канале “Культура” показывают что-либо из нынешнего, особенно очевидно, как в сравнении проигрывает...

В. Р.: Я давно уже понял, что вступили мы, вернее – поставили нас не на тот путь, который нам нужен. Я поначалу был сторонником горбачёвской реформы. Когда объявили плюрализм мнений. Но... эта свобода была подавлена односторонней распущенностью! И чем обернулось? Словоблудием.

Чувство Родины хотят истребить

В. К.: Когда вы говорите о резком упадке нашей культуры, я думаю, что немалую роль в этом сыграло и обезьянничанье многих деятелей, носителей культуры, перед Западом.

В. Р.: У меня тут своё мнение. Когда Хрущёв впервые посетил Америку, он пришёл от неё в восторг. Потом отправился туда Ельцин. Он облетел два раза вокруг статуи Свободы и почувствовал себя свободным...

А я вот частенько вспоминаю, как вскоре после окончания Карибского кризиса послали туда, в Америку, нашу маленькую писательскую делегацию. Для налаживания отношений. И нас принимал не кто-нибудь, а госдепартамент. Совалось нам в нос самое великолепное, что только можно было найти в США! Начиная от самых шикарных гостиниц, где нас поселяли, до встреч с богачами, вплоть до сенатора, который вскоре стал вице-президентом. И везде – самый роскошный приём.

Когда полетели обратно, Катаев лукаво смотрит на меня и спрашивает: “Виктор Сергеевич, ну, как?” Я говорю: “Потрясающе!” А он в ответ: “Нас пытали роскошью”.

Да, действительно, нас пытали роскошью, но ничего из этого не вышло! Мы вернулись такими же советскими людьми. А Хрущёв испытания роскошью не выдержал. Сразу: “Догоним и перегоним Америку!” Какие-то пустые и нелепые слова.

Ельцин дважды облетел стацию Свободы и переродился. Ну, лазили мы на эту стацию. На плечах у неё – смотровая площадка, виден океан, видны Манхэттен и все эти небоскрёбы. Всё это действительно очень красиво и очень хорошо. Но ничего не изменилось у нас внутри по отношению к нашей родной стране!

А у этих... Произошла какая-то аберрация: “Давайте и мы сделаем вот так!” Слушайте, ничего более глупого не придумаешь. Как будто игрушку какую-то сделать давайте и мы выточим.

В. К.: Нелепо. Страна скроена на свой манер. Люди иные, культура совершенно иная...

В. Р.: Россия – особая цивилизация. Да к тому же многонациональная страна. Причём я не беру то, что сегодня Россией называют. Я беру Советский Союз. Великий, единый и неделимый многонациональный Советский Союз! Это было устройство очень хорошее.

В. К.: И жилось в нём, прямо скажем, хорошо...

В. Р.: В целом – очень хорошо. Я бывал во всех республиках. Хотя бы на свои премьеры ездил. Везде приветливо, везде дружно, везде весело. Были, конечно, свои проблемы, без этого в жизни не бывает – у каждого и дома свои проблемы.

Но сейчас наряду со всеми этими казино (в Москве, по крайней мере), сверкающими вывесками, всякими ресторанами, гостиницами роскошными – какая-то серость. Как ни странно – серость и унылость!

В. К.: Вы её ощущаете?

В. Р.: Я её ощущаю. Очень. И тут понятно: у государства нет идеи. Оно не знает, что оно делает, к чему стремится.

В. К.: Неизвестно, куда мы идём. То есть куда ведут. Хотя догадаться можно — отнюдь не к хорошему, не к лучшему...

В. Р.: Получается для многих, даже для большинства, бессмысленность жизни. Очень остро ощущаю эту бессмысленность!

Я бы ещё и поэтому предложил обратиться сейчас к периоду нэпа, изучить как следует все документы того времени. Была частная собственность, была государственная. Но у общества была также идея, большая советская, социалистическая идея, которая его объединяла и вела. Вообще, на протяжении всей нашей советской истории благороднейшие идеи человечества — идеи добра, справедливости, равенства и братства — играли очень большую роль. В том числе во время самой Великой войны — Отечественной. Идея Родины, которую нельзя не защищать, даже ценой собственной жизни. Потому что она, Родина, — выше и дороже.

В. К.: Я хотел о вашей малой родине спросить. О Костроме. Вот вам исполняется 85 лет, и многое ведь за эти годы с Костромой связано. Что она для вас? Тянет ли туда? Что при встрече в душе возникает?

В. Р.: Ну, это возникает, наверное, у каждого человека. Там, где ты рос, где духовно родился, а Кострома — именно моя духовная родина, потому что физически я родился в Ярославле, но жил там совсем немного.

В Костроме я впитал всё лучшее, что мне внушалось, начиная с матери и отца. Друзья мои дворовые, школа, книги, которые читал, Волга, Молочная гора... Этот охватывающий душу простор!

В. К.: Вы давно были там последний раз?

В. Р.: Да нет, совсем недавно, с Надей, с женой, были. Не упускаем ни малейшей возможности побывать. Знаете, это душу питает. Это — родное, особенно родное и близкое. Без этого, наверное, русскому человеку нельзя. Трудно.

В. К.: Чувство Родины в большом и даже великом смысле начинается, видимо, всё же с так называемой малой родины?

В. Р.: У меня — да. А за всех говорить не берусь. Очевидно, для других наций их родина — это тоже Родина. И тоже есть любовь к Родине, какое бы государство ни было. Я-то считаю: у англичан, французов, японцев, китайцев, вьетнамцев, испанцев, да кого ни возьми — у всех свои корни. Единственная страна, которая не имеет своих корней, — это Соединённые Штаты Америки. Вот она, по-моему, не может быть в полном смысле Родиной. Там родиться, конечно, можно и всю жизнь можно находиться там, но...

Я много раз бывал в Америке. И встречали меня там хорошо. Но я всегда чувствовал, что для людей это — просто место жительства. Именно так: место жительства, а не Родина. Потому что Родина это — для индейцев, но их уже нет фактически, я видел их только, так сказать, штучно — они в своих резервациях.

Да, у американцев, в моём понимании, нет Родины. И американская психология — очевидная государственная психология, она игнорирует чувство Родины. Думаю, что и наши разногласия больше всего на этой почве. Мы цепляемся за свою Родину, и мы не хотим быть Америкой, то есть страной без Родины. Это, на мой взгляд, вопрос очень важный! Ведь испанцы не отдадут свою Испанию, и англичане не отдадут свою Англию, французы — свою Францию, и даже какая-нибудь маленькая Голландия, или Дания, или Бельгия... Во всех этих странах я бывал, и везде чувствуется дух Родины.

В. К.: А у нас? Что же происходит у нас? Раствориться хотим?..

В. Р.: Идёт атака, чтобы истребить в нас чувство Родины. Уже территорию разбили, военный приоритет Америки безусловен — им только сейчас не хватает убить этот наш русский дух. Вот и идёт разложение русского духа всеми способами. С одной стороны — жвачкой, рекламами всякими, пропагандой всего заграничного, а с другой — искусством западным, то есть, в основном, американским кино. Всегда с погонями, всегда с убийствами и часто с безнравственностью. Это — самое главное!

В. К.: Да, убийство русского духа...

В. Р.: Покушение на русский дух. Его растлевают всяко. В том числе материально. Смотри, дескать, вон тот человек получает сколько! И ты можешь, если будешь делать то-то и то-то. Пусть и грязное, подлое, мерзкое. Я даже

говорить об этом не хочу... Выброшен же лозунг: каждый отвечает за себя сам и живёт в одиночку, а государство вроде вообще ни за что не отвечает.

Наше общество в этом отношении было гораздо справедливее. Хотя мы жили всегда скромно, но, во всяком случае, обеспеченно. Мы знали, что 14-го зарплата, и она была 14-го, а не 5-го.

В. К.: Не искушали нас "золотым тельцом". А теперь он вздвигнут в полный рост.

В. Р.: Брошен "позолоченный крючок", на который клюют люди. И всё делается, чтобы они поглубже его заглотили.

В. К.: Погубят нас этим вконец, как вы думаете?

В. Р.: Испытание нам выпало суровое. Очень суровое! Испытание на сытость.

В. К.: Пожалуй, в чём-то оно ещё страшнее, нежели испытание голодом.

В. Р.: Бесспорно, бесспорно.

В. К.: Дух или заплывает салом, или разлагается, растлевается.

Вот оно, лицо поколения

В. Р.: Я до 36 лет жил бедной жизнью, иногда очень бедной, голодал и одеться не во что было. Но, как уже говорил, я был счастливым. Это парадокс, однако это — реальность.

В. К.: Вы мне рассказывали о счастье, испытанном тогда после МХАТовских спектаклей...

В. Р.: Великое было счастье и радость — любимые театры. Книги, конечно. Музыка, выставки, да и всё окружение... Своё представление о ценностях было. Идёт нарядно одетый человек — ты смотришь: ах, как красиво! Но, кроме этого ощущения, что идёт красиво одетый человек, ничего и нет. Не то что: вот мне бы так!..

В. К.: То есть зависти не возникало?

В. Р.: Никогда.

В. К.: Вот это — свойство души.

В. Р.: Конечно, душа так должна быть устроена. Но это ещё и следствие воспитания. Потому все мои друзья-костромичи, они были такие. Сейчас осталось нас только двое — Катя Шелина и я.

В. К.: А она кто?

В. Р.: Она окончила пищевой институт и стала крупным специалистом по этой части. Другая девочка, её подруга, — тоже...

В. К.: Это ваши одноклассники?

В. Р.: Да.

В. К.: И вы с одноклассниками всё время поддерживали отношения?

В. Р.: Постоянно. Собирались у нас дома, накрывали стол, говорили, пели...

В. К.: И кто были эти люди?

В. Р.: Порядочные все люди. Во-первых, трудящиеся. И потом, надо сказать, многие вышли в крупные государственные фигуры. Вон Игорь Волнухин заведовал какими-то очень ответственными приборами на военных кораблях. Изобретал. Его хоронили с воинским салютом. Федя Никитин в подмосковном Калининграде работал главным инженером, занимался металлом, который делали для спутников и космических кораблей. Тоже не шутка! Кирилл Воскресенский окончил военную академию и стал преподавателем высшего артиллерийского училища. Наталья Воскресенская, его сестра, — текстильщица, работала на фабрике в Костроме, потом её перевели в Иваново, а потом — в Смоленск, где она заведовала огромным комбинатом текстильным. И затем — в Министерство текстильной промышленности, на какую-то очень высокую должность.

Причём, я подчеркну, никто никогда не добивался этих высоких должностей, а просто своим трудом, своими способностями выделялись — и их выдвигали. Ну, многие погибли во время войны.

В. К.: Да, это — поколение. Лицо поколения. Вы в каком году окончили школу?

В. Р.: В 31-м.

В. К.: Какая это была школа?

В. Р.: 4-я девятилетка имени Энгельса.

В. К.: И что бы вы отметили как наиболее характерное для этого поколения, для своего поколения?

В. Р.: Дружбу. Отсутствие пьянки — мы водку попробовали, я уж и не помню когда, взрослыми... Верность слову. Трудолюбие. Честность. Полное отсутствие карьеризма! Полное... И — никакой погони за деньгами.

В. К.: То есть деньги нужны просто для жизни, но никакой специальной погони за ними, поглощающей душу?

В. Р.: Именно.

В. К.: Отсюда, наверное, и такое настроение ваших пьес — светлое.

В. Р.: Я оказался в Костроме в самой обычной школьной и дворовой среде, но — идеальной.

В. К.: А чувство Родины тогда уже было?

В. Р.: Вы знаете, слов-то этих высоких не было.

В. К.: Это я понимаю. Но дело не в словах. А ощущение... Ведь вот началась война — и вы же пошли воевать. Добровольно. И сколько пошло...

В. Р.: Я в книжке об этом написал. Когда решался вопрос, идти мне на войну или не идти, я мог не идти, я был белобилетник, меня и из военкомата отправили: “Чего ты пришёл? У тебя белый билет!” А я пошёл. Понимаете, как-то нехорошо иначе... В пьесе “Вечно живые” я вставил фразу — Борис отвечает: “Я должен быть там, где всего труднее”. А всего труднее было на фронте.

В. К.: Как вы думаете, сейчас совсем это утрачено?

В. Р.: Нет, и сейчас есть увлечённые люди. Не хищники. Я уж не говорю о старшем поколении, которое держится в целом очень достойно. Однако и молодое поколение в чём-то меня радует, хотя оно разное. Многие, к сожалению, сворачивают с пути истинного. И тут общая обстановка, которая у нас создана, конечно, сказывается.

В государстве сейчас ведь по всем статьям плохо. Бюджет... Дома разваливаются. То и дело стреляют. А что такое с самолётами, которые постоянно падают?

В. К.: Вы знаете кого-нибудь близко из молодого поколения?

В. Р.: В основном это дети и товарищи детей.

В. К.: Но какие-то отрадные впечатления, наверное, бывают, раз вы так небезнадёжно говорите о молодых?

В. Р.: Конечно! Я иногда и в школах выступаю. Вижу молодых зрителей на спектаклях по моей пьесе в театре Татьяны Дорониной. У меня такое впечатление: несмотря ни на что, хорошей молодёжи сейчас много.

В. К.: Действительно, ведь на вашем спектакле всегда молодёжь. Что-то же их тянет сюда!

В. Р.: Меня подчас это даже удивляет. Однажды был 35-градусный мороз, когда мой спектакль шёл. И представьте себе: было в зрительном зале 900 человек!

В. К.: Видимо, на этих людей — наша надежда...

В. Р.: И потом: иногда встречаешься, говоришь, смотришь в глаза молодых людей, как они реагируют, — хорошо глядят! Думаю, испоганить русского человека всё-таки трудно.

В. К.: До конца...

В. Р.: Да, да.

Снова должен быть наш Сталинград!

В. К.: Ваша общественная деятельность последних лет, которая уже не только как литератора выдвинула вас пред очи народные, но и как радетеля за Родину, за Россию, она требует большой самоотдачи. Всё время надо что-то отстаивать, за что-то бороться, куда-то спешить. Это даёт вам удовлетворение?

В. Р.: Это даёт мне жизнь. Значит, я кому-то нужен. И надо, очень надо что-то говорить и повторять. Повторенье — мать ученья. А не так: сказал — и ладно, и не важно, что будет...

Где-то мои слова отклик находят. Я в этом не раз убедился. Люди благодарят. Меня не очень популяризируют, но где удаётся сказать своё слово, я стараюсь сказать.

В. К.: И конкретно удаётся кому-то помочь? Помню, вы рассказывали о хождении по разным просьбам...

В. Р.: Вот и сейчас на столе два таких дела лежат. Жду, когда встречу с мэром нашим или его заместителем Шанцевым.

В. К.: А что за дела?

В. Р.: Один из племянников моих, по линии жены, занимается полезным для государства делом. Такая фирма у них – по сбору металлолома, которая очищает Москву от ржавых автомобилей, стоящих по дворам, и прочих таких предметов. Но у них мал круг, где они могут действовать, – просят расширить территорию. Доброе дело, я считаю, они работают хорошо.

А другой вопрос вроде бы частный, но для человека, который обратился ко мне, – весьма серьёзный. Жизненный. Простой работника... Тоже надо помочь.

В. К.: Я недавно читал в газете вашу статью о новом спектакле в Театре имени Ермоловой. Значит, находите время, чтобы смотреть?

В. Р.: Стараюсь. Сейчас на очереди спектакль в “Современнике”. Борис Галин – для меня интересный драматург...

В. К.: А кого-нибудь из молодых драматургов выделяете?

В. Р.: Сейчас, к сожалению, не очень. Читаю пьес много, но... не хватает в них чего-то главного. А не хватает потому (вернусь к уже сказанному), что у государства нет идеи.

В. К.: Вы счастливы в семье? Жена, с которой прожили в любви и согласии более полувека, сын и дочь – по-моему, замечательные, внучка и внук – достойные своего дедушки. В этом ведь тоже счастье?

В. Р.: Ещё бы! Семья – это дом. Я часто думаю, что нашему обществу нужно вернуть семью. Сейчас всё больше замечаешь: семьи-то нет!

В. К.: Колоссальная проблема. И это, по-моему, тоже влияние Запада, что семья разрушается. Прививают молодёжи отношение к семье пренебрежительное. Принесли оттуда: не жених, а бойфренд, то есть временный какой-то сожитель. Всё переводится на контрактную основу: в семье не любовь, а контракт, брачный контракт...

В. Р.: Да, но я старомоден.

В. К.: Как бы вот эту хорошую старомодность по возможности восстановить и укоренить! Русская семья, наверное, тоже поддерживала всегда русский дух, о котором вы говорили. Что для вас это понятие – “русский дух”?

В. Р.: Очень большое. Очень глубинное. Многие столетия ведь складывался он, этот дух, который мне так мил. Люди бездуховные часто говорят: вот вы превозносите свой национальный дух, русский дух, вы националисты, шовинисты... Но я не считаю, что, если, скажем, татарин исповедует свою религию и следует своим татарским обычаям, он обязательно националист или шовинист. А почему же обвиняют нас?

Мне иногда кажется, что во многом от тех же американцев такое идёт. Потому что вот там этого нет. Ведь не скажешь: “американская духовность”.

В. К.: В самом деле, не звучит.

В. Р.: “Американский дух” – так можно сказать, но – полуиронически. Потому что *американский дух* – это как раз бездуховность. А у нас... В каком веке духовность наша возникла, в каком тысячелетии и как – на это я ответить не берусь, тут учёные пусть отвечают. Но это не только уклад жизни.

Русский дух для меня – это Чехов, это Достоевский; понятно, всех, даже очень ярких выразителей русского духа в великой русской литературе не перечислишь. Вот говорят о загадочности русской души, и она действительно в чём-то загадочная, и для меня загадочная, удивительная, эта русская душа...

В. К.: А в чём, Виктор Сергеевич?

В. Р.: А в том, что не до конца она мне понятна. Вот хотя бы один случай недавний. Сидит возле Ермоловского театра инвалид – без ноги или без обеих ног, перед ним кепка, в которую денежки бросают. Я иду и тоже наклоняюсь, чтобы бумажку какую-то положить. А мне трудно наклониться, у меня нога, как вы знаете, на фронте подбита. И вдруг он посмотрел на меня так удивлённо и воскликнул: “Да ты же сам инвалид!”

В. К.: Характерный случай, ничего не скажешь...

В. Р.: Целая поэма! Или пьеса, новелла. Я, знаете, по привычке сразу начал домысливать и досочинять...

Чтобы глубже понять русскую душу, надо читать и изучать Достоевского. Я с огромным увлечением это делал всю жизнь, а особенно – когда работал над своей инсценировкой по “Братьям Карамазовым”.

В. К.: “Брат Алёша”?

В. Р.: Да. Достоевский в этом романе берёт все аспекты русской души. Он берёт святость Алёши (и ведь не случайно намерен был именно его сделать дальше главным своим героем!); берёт разум Ивана – разум, мучающий человека, доводящий его буквально до сумасшествия; страсть Дмитрия, безудержную русскую страсть. Тут, в этих трёх братьях, – многое о русской душе!

В. К.: Есть и ещё один брат, сводный: Смердяков. Не находите, Виктор Сергеевич, что сегодня он вышел чуть ли не на самый первый план?

В. Р.: Ну, если и не на первый, то достаточно наглядно себя проявил. . .

Так вот, читая Достоевского, Чехова, других наших великих писателей, можно понять, что такое русский дух. Примитивизирую: это всё нравственные и духовные ценности человека. Русский дух не продаётся! А если продаётся, он перестаёт быть русским духом. Он становится тогда духом инородным.

Вот сегодня говорят: “новые русские”. Да простят они мне, но эти, “новые”, потеряли русский дух. Они взяли американскую бездуховность за образец. А русский дух не продаётся – ни за какие деньги. . .

В. К.: Когда вы говорите о предпринимаемой попытке убийства русского духа, вы имеете в виду и попытку его купить?

В. Р.: Так, так, совершенно верно. Слишком сильна власть денег. Деньги – изобретение дьявола!

В. К.: И как вы всё же думаете, Виктор Сергеевич, выдюжим? Удастся ли врагам убить последнее, чем ещё держимся, – русский дух? Недавно Татьяна Васильевна Дорониная очень точно, по-моему, сказала: “Утратить дух – значит, утратить силу. . .”

В. Р.: Я уже говорил: мы действительно сдали очень многое. Как в первый период Великой Отечественной. Мы сдали тогда Брест, сдали Минск, сдали Киев, Одессу, Смоленск – до Сталинграда. Но что было потом? Был Сталинград.

Вот и сейчас. Страна разбита на куски. Фабрики и заводы стоят. Поля не убираются. Мы сдаём, можно сказать, город за городом. Приезжают с Запада какие-то дряхлые “роллинговые стоунзы” – и вокруг них устраивается странный ажиотаж. . .

Да, мы отступаем пока на всех направлениях. Но я верю: наступит наш Сталинград!

В. К.: Всё-таки верите?

В. Р.: Верю. Очень трудно, конечно, будет поправлять всё, что с нами сделали. Но всё вернётся на круги своя. И русская культура, и наука, и экономика наша с мощнейшим её потенциалом. И Союз наш вернётся – Союз, разрушенный этим ужасным событием – Беловежской пущей. Потому что мы были и есть интернационалисты.

Вот это слово сейчас почти не употребляется. Между тем я считаю себя интернационалистом. Я – русский патриот и интернационалист. И это ведь одна из особенностей русского духа: умение понимать другие народы и жить с другими народами.

В. К.: Белоруссия внушает вам какие-то надежды? Её стремление быть с нами. . .

В. Р.: Безусловно. Я невероятно обрадовался, когда стало известно, что Белоруссия снова хочет создать с нами Союз, воссоединиться с Россией. И был страшно огорчён, когда начались яростные попытки всячески помешать этому, не допустить, сорвать, когда принялись лить грязь на Лукашенко, – очевидно, очень хорошего человека.

Это всё они, наши враги! Враги русского духа! Ну и, конечно, окрик из-за океана: что это, вздумали опять соединяться?! Они-то столько денег потратили, чтобы нас разъединить, небось уже посчитали, сколько истратили на это.

Однако история показывает: многим народам вместе лучше, чем порознь. Многие ведь по доброй воле соединились в своё время с Россией, хотя нынче стараются это позабыть. Та же Грузия. Она же добровольно вошла в состав России ещё в самом начале прошлого века. Это и у Лермонтова поэтически запечатлено. Помните первые строки “Мцыри”? В грузинском монастыре:

*...Старик седой
...Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручён своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.
И Божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов
За гранью дружеских штыков.*

В. К.: Да, удивительно злободневно звучит это сегодня!

В. Р.: Не говорите. Поразительные бывают воспоминания, поучительные переключки времён. Не правда ли, стоит оглядываться в прошлое, думая о будущем?